

П Р И Б А В Л Е Н І Е

къ

ДУХОВНОМУ ВЪСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

1-го сентября

№ 17-й

1905 года.

Голосъ пастыря *).

Для вниманія современнаго человѣка, конечно, не тайна, до какой степени тоскливо, тяжело, сиротливо живется въ наше время. Измельчали мысли, остыли чувства, изсякла жажда святыхъ страданій и сѣрый, сѣрый будень безъ вдохновенья, безъ звуковъ сладкихъ и молитвъ—таковъ каждый день современной жизни. Скорбью исходитъ сердце, ибо видно, что зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететь, ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна. Расшатываются основы жизни, и жутко и страшно, какъ будто родители уже не желаютъ по христіански воспитывать дѣтей, дѣти встаютъ на отцовъ,—обманы, злость и непріятность полновластно надъ міромъ царятъ. Испытывается какое-то томленіе духа, бросаются всею, хватаются за разныя книги, учрежденія, ищутъ забыться, заглушить какой-то неумолкаемо ноющей стонъ въ душѣ, котораго не въ состояніи смягчить никакія развлеченія, никакія удовольствія; просятъ новаго слова; переиспытаны все ощущенія,

*) Статья эта представляетъ записку къ „Проекту религ.-просвѣт. церк. Братства“ въ Гурійско-Мингр. епархіи, въ г. Батумѣ.

въ чувства, и тоска одиночества и неудовлетворенности гложеть сердце и нѣтъ мира желаннаго въ душѣ. Забыта небесная отчизна — храмъ. Въ этого родного крова томится и страдаетъ душа современнаго человѣка. Къ этому очагу идеализма среди безпросвѣтной тоски міровой, — къ храму святому невольно обращается теперь мысль, ибо храмъ былъ всегда источникомъ самыхъ святыхъ, благородныхъ настроеній; сюда вносили и отсюда уносили лучшіе люди всѣхъ временъ свои лучшія свѣтлыя думы; отсюда они уходили освѣженные, радостные, переносивъ близость небеснаго міра. Храмъ — вѣчный очагъ — свѣта и тепла для озябшаго нравственно и остывающаго человѣчества.

Но нигдѣ нѣтъ такой настоящей нужды въ правдѣ и любви Христовой, какъ въ обстановкѣ южныхъ окраинъ Россіи, въ частности — Закавказья. Никакое оружіе, никакой порохъ, никакія мѣры строгости внѣшней, никакая администрація не могутъ успѣть здѣсь столько, какъ слово Евангелія, какъ гуманность Христова, какъ церковныя начала братства, любви, сердечности. Необходимо стать къ мѣстнымъ жителямъ въ гуманныя, заботливыя отношенія на тѣхъ принципахъ, коими дышитъ каждая страница Евангелія, каждое церковное богослуженіе, каждый изъ предметовъ св. Православной вѣры. Необходимо изнести къ нимъ изъ алтарей церковныхъ хранимыя здѣсь сокровища теплоты сердечной, любви братской, несокрушимой вѣры и невозвратной надежды Христовой, дабы возлюбили они вѣру православную, дабы ощутили ея Божественную силу и преложили свою вражду въ любовь нелицемѣрную. Необходимо представителямъ церкви дружно сплотиться, разомъ выйти на ниву, распахать своей любовью, соимъ евангельскимъ вдохновеніемъ, всколыхнуть отчасти сияція, отчасти озлобленныя сердца и полными горстями бросать изъ своей души сѣмена Христова ученія. Ибо ужели тайна, что сектантство, равнодушіе къ церкви православной есть знаменіе здѣшнихъ мѣсть? Надо больше богослуженія истоваго, православнаго, надо больше проповѣди, въ матернія руки церковныя берущей сердце слушателя; нужда належитъ великая въ сердечности и вдумчивости братской въ окружающую жизнь. Необходимо раскрыть возможно шире и яснѣе предъ окружающими людьми завѣты церкви, показать имъ братское попеченіе о нихъ, тогда они придуть ко алтарю, увидятъ дѣйстви-

тельную любовь къ нимъ и ввѣрять свою душу, свои заботы, свои интересы, свои мечты народныя церкви Христовой, которая, какъ мать, будетъ править ихъ совѣстью.

Надлежитъ вспомнить, что предковъ нашихъ.—пословъ св. Владимира,—восхитила всего болѣе святая поэзія богослуженія православнаго. Надо принять во вниманіе, что самымъ первымъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ всегда является Храмъ Божіей, гдѣ переживаются тысячи неувимыхъ, благоговѣйныхъ настроеній, столь возвышенныхъ, что имъ на человѣческомъ языкѣ нѣтъ названія. Въ этой непонятной, но ясно ошутительной для души молящагося въ храмѣ настроенности, когда и вѣрится и плачется, и такъ легко, легко... вся неизъяснимая сладость церковной молитвы, разъ испытавъ которую, человѣкъ помимо зова, не по принужденію, а по влеченію души, всегда стремящейся къ такому небесному состоянію, которое можетъ пережить она въ храмѣ Божіемъ—добровольно внидетъ въ домъ Божій. Слѣдовательно, необходимо озаботиться устройствомъ стройнаго, прекраснаго богослуженія съ сердцемъ, съ волненіемъ священнослужителя, переживающаго каждое слово своихъ возгласовъ, церковныхъ пѣснопѣній, молитвословій. Пусть сольется душа священнослужащаго съ общимъ гимномъ храма въ чтеніи и пѣніи, тогда не можетъ оказаться человѣкъ равнодушный среди присутствующихъ, тогда невольно зашевелится, заговоритъ, согрѣется самое ожесточенное, самое холодное, самое черствое сердце. Къ чтенію въ храмѣ необходимо допустить всѣхъ желающихъ изъ мірянъ, предварительно испытывая ихъ умѣнне ласковымъ внимательнымъ испытаньемъ священнослужителя. Ибо чтенія—это, вѣдь, изліянія страдающей, томящейся, радующейся молитвенной души, родной Богу, и Ему несущей свои мученія, свой восторгъ, всю свою небесную сущность. Чтенія—это гимнъ, это полная хвала Творцу, это бесѣда съ Нимъ. Вы вслушайтесь только. Здѣсь душа порой, какъ ласточка въ поднебесьи, какъ жаворонокъ изливается въ дивныхъ звукахъ славы и хвалы Творцу всего, здѣсь душа порой, какъ птица съ подстрѣленнымъ крыломъ, плачетъ и жалуется на свое горе, стонетъ въ моленіи исцѣлить ее, простить, возставить, и, какъ птицѣ, вновь дать возможность воспарить въ небесную высь и легко возносить славу Создателю. Душа живетъ въ этихъ чтеніяхъ, каждое ея слово—полно глубокаго смысла. И все то, что запало тя-

жестью, и вся та злоба, и все то горе, какими земля давить ее, она старается выплакать, подѣлиться съ Тѣмъ, Кому всѣ ея муки, вся земная страда и тоска такъ понятны, и Который звалъ къ Себѣ всегда именно эту обремененную душу человѣка и всегда готовъ облегчить ее.

Всякій желающій участвовать въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ да будетъ принять съ радостью. Мало этого, необходимо привлекать къ такому участию, раскрывая высокое значеніе его въ религіозно-нравственной жизни каждаго человѣка.

Хорошо-бы приложить всѣ усилія къ образованію пѣнія народнаго въ храмѣ Божиємъ, хотя бы нѣкоторыхъ молитвъ, ибо, по естественному даже разсужденію, цѣлебное свойство всякаго пѣнія состоитъ въ облегченіи, въ освѣженіи, въ поднятїи настроенія угнетенной, тоскующей, крѣпко привязанной къ землѣ и землянымъ интересамъ души. Слѣдовательно, организація пѣнія общаго въ храмѣ, пѣнія священныхъ словъ молитвъ, зажжетъ тотъ энтузіазмъ, ту любовь къ храму Господню, которая съ первымъ ударомъ колокола поспѣшитъ на общее дѣло молитвы, гдѣ не чтецы, не пѣвцы, а всѣ молящіеся принимаютъ сердечное посильное участіе.

Замѣтно, что вся обстановка храма направляетъ всѣ мысли къ небу отъ земли и удрученному, изстрадавшемуся человѣку указываетъ его далекую, но родную, свѣтлую отчизну, какъ свѣтлый маякъ для корабля, объятаго волнами и бурей—тихую пристань! Душѣ человѣка не такъ больно будетъ здѣсь на землѣ, если она, какъ морякъ въ бурю, не потеряетъ изъ виду среди всякой грубости настоящей жизни этого свѣтлаго берега. Въ храмѣ всѣ предметы и есть тѣ дорогіе каждому страдальцу маяки, свѣточы, къ которымъ онъ тянется всей душой. Какъ по звѣздамъ видимаго неба путешественники иногда узнаютъ направленіе, такъ и каждому человѣку по такимъ предметамъ храма, какъ лампы, свѣчи, иконы, какъ вся вообще обстановка приходится узнавать далекій путь въ обители Отца Небеснаго. Да будетъ усердіе къ украшенію св. храма св. иконами. Ибо слабое часто слово проповѣди далеко не можетъ излить такъ много утѣшенія, свѣта, радости, какъ церковный образъ, достолично писанный и благоговѣйно украшенный съ умиротворяющимъ свѣтомъ лампы предъ нимъ. Слово проповѣдника, даже хорошее, весьма часто, по неразвитости вниманія,

проходить мимо, зрѣніе же, какъ самый общедоступный органъ воспріятія, согрѣтый простой, сердечной мыслью о святости изображеннаго на св. иконѣ, дастъ молящемуся великое назиданіе, которое всякій пойметъ правильно и вполне религіозно, хотя и не всѣ въ одинаковой степени совершенства.

Церковная практика говоритъ, что ни одно богослуженіе по своей простотѣ такъ близко не подходитъ къ пониманію народному, какъ акаѳисты съ общимъ пѣніемъ, съ тѣмъ трогательнымъ лиризмомъ, котораго полна душа въ стихахъ, изливаемыхъ предъ Спасителемъ, Богоматерью, Святителями и Ангеломъ Хранителемъ. Здѣсь выражены всѣ нужды, всѣ скорби, всѣ радости, вся дѣтская преданность глубокой вѣры, захватывающей молящагося своимъ близкимъ отношеніемъ къ нему, къ его жизни, изъ которой цѣлыя страницы горя и радости перенесены въ величественные акаѳисты. Да будетъ усерднымъ священнослужитель и прибавитъ сюда нехитрое свое доброе пастырское слово, и превеликая польза будетъ душамъ, которыя прильнуть къ церкви, какъ дѣти къ любимой матери. Эту молитвенность да простретъ пастырь на всякое мѣсто, гдѣ есть усталая душа православная, съ цѣлью вызвать къ жизни тлѣющую тамъ подъ мусоромъ незримо искру Божию, возродитъ любовь къ забытой имъ родной матери—церкви съ ея вѣчной мыслью о немъ, какъ своемъ нѣжнолюбимомъ дѣтищѣ, отторгнувшемся, охладѣвшемъ.

Святыня храма да будетъ предметомъ глубокаго вниманія: здѣсь надо приложить всѣ усилія къ великолѣпнѣйшій службѣ, къ проповѣданію слова Божія, къ устройству акаѳистовъ, молебновъ въ опредѣленный часъ дня. Здѣсь пусть сосредоточится забота о созданіи той благоговѣйной атмосферы, которой такъ жаждетъ вѣрующая душа. Сюда, конечно, стануть приходить для одухотворенія, ибо въ чтеніи, пѣніи, священнодѣйствіяхъ, во всей обстановкѣ незримо таится великая пища уму и сердцу, великія средства для подъема надломленнаго духа, только надо-бы вносить каждому свое горячее участіе, только надо поставить дѣло такъ, чтобъ слова чтенія церковнаго были моими, чтобы каждое изъ нихъ проходило насквозь и мою душу и изъ нея, какъ мое собственное несло къ небесамъ; какъ-бы такъ устроить, чтобы каждое священнодѣйствіе, такъ сказать, брало и мою душу,

окутывая ее оимиамомъ, — чтобы каждое пѣснопѣіе проходило въ мое сердце и тонами, какъ ласковой рукой матери, вело все выше, выше отъ земли, въ горній міръ небесныхъ звуковъ ангельскихъ. Тогда, — невольно вѣрится, не будетъ той смертной тоски жизни, той грубой холодности, какую теперь всѣ переживаютъ.

Изложенныя мысли получаютъ свою бодрость отъ увѣренности, что есть, какъ всегда были и будутъ, священники, проникнутые святымъ горячимъ идеализмомъ послужить мягкимъ евангельскимъ словомъ любви меньшему брату, перелить въ его душу церковный источникъ свѣта, помолиться съ нимъ, побесѣдовать лицомъ къ лицу, вникнуть въ темныя и свѣтлыя стороны его быта, ободрить, поднять его духъ, сдѣлать ему иногда праздникъ среди его сѣраго, безрадостнаго труда. Они привлекутъ, конечно, людей свѣтскихъ, по своему настроенію или образованію близкихъ къ духу Евангелія, понимающихъ смыслъ молитвъ и церковности: при скромномъ руководствѣ авторитета церковнаго и они могутъ быть серьезными помощниками священнослужителю.

Ибо замѣтенъ ужъ въ обществѣ поворотъ къ церкви Христовой. Истомилась въ безпокойныхъ исканьяхъ душа вдали отъ родины своей — церкви Христовой — и плачетъ и боится и въ двери храма стучится. О, пастыри! Да не дремлемъ, воспрянемъ, откроемъ ей двери храма Господня, пригласимъ ее къ подножію алтаря, да въ слезахъ радости выльетъ она все накипѣвшее въ ней; она ощутитъ, какъ любить ее Господь, дорожить ею, — безцѣнной жемчужиной, — одной изъ заблудшихъ овецъ, которую Онъ, добрый пастырь, принимаетъ обычно на рамена свои и «радуется о ней паче, неже о девяностыхъ и десяти заблудшихъ». (Матѳ. XVIII, 13).

Священникъ *І. Ктитаревъ*.

БРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

церковно-исторической жизни православной Грузіи со времени появленія въ ней христіанства и до нашихъ дней.

Г Л А В А III.

(Продолженіе *)

Бѣдственная эпоха въ исторіи грузинской церкви. Нашествія аравитянъ и свв. мученики Або, Давидъ и Константинъ. Нашествіе турокъ—сельджуковъ и новое опустошеніе страны. Сто двадцать лѣтъ отдыха отъ нападеній враговъ; св. царь Давидъ III и золотой вѣкъ духовнаго просвѣщенія. Гвортій III и великая Тамара. Нашествіе Джебелъ-Эддина и монголовъ. Начало римско-католической пропаганды въ Грузіи. Нашествіе Гюкю хана и Батмья. Подвигъ царя Димитрія Самопожертвователя. Появленіе новыхъ католическихъ миссіонеровъ въ Грузіи. Иерусалимъ въ качествѣ подарка татарскаго хана Грузинскому полку. Сверженіе татарскаго ша. Нашествіе Тамерлана. Смутныя времена въ Грузіи. Поступательное движеніе ислама и католицизма. Странный по своей идее крестовый походъ въ Палестину. Вторженіе въ Грузію шаха Аббаса. Св. мученица царица Кетеванъ и печальная судьба Гареджійскихъ иноковъ. Герои Грузіи. Борьба духовенства съ усилившеюся католическою пропагандою. Нападенія турокъ. Нашествіе Надиръ-шаха и Ала-Магометанъ-хана, какъ обстоительство, подготовившее собою слияніе Грузіи съ единовѣрной Россіей.—

Въ концѣ VI вѣка династія Сассанидовъ уступаетъ свое мѣсто Багдадамъ, при которыхъ въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія однообразіе исторической борьбы съ персіанами было нарушено нашествіемъ новыхъ завоевателей—аравитянъ, проповѣдывавшихъ съ огнемъ и мечемъ коранъ тамъ, гдѣ еще не успѣли потухнуть жертвенники егнепоклонства. Ихъ частыя нашествія, а также и вторженія полчищъ хазарь, въ VII—VIII вѣкахъ окончательнo подорвали благосостояніе несчастной Грузіи въ церковномъ и гражданскомъ отношеніяхъ. „Во всей внѣшней исторіи грузинской церкви—говоритъ преосвященный Киріонъ—, съ самаго начала ея существованія и по

*) См. „Духовный Вѣстн. Груз. Экз.“ № 16-й за 1905 г.

настоящее время, едва ли можно указать явление, которое грандіозностью своих размѣровъ и могучимъ вліяніемъ на послѣдующую судьбу Грузіи поспорило бы съ многовѣковой борьбою нашего отечества съ царствами ислама“.

Въ 642 году полководецъ Омара Халидъ, прозванный „мечемъ Божиимъ“, посланъ былъ для завоеванія Грузіи. Карталинія съ Кахетіей, Имеретія, Мингрелія и Абхазія были безжалостно опустошены. Арабы врываются въ церкви и монастыри, въ которыхъ молящихся христіанъ предавали пламени или истребляли мечемъ. Отъ полуживого старика до грудного младенца,—все становилось неизбѣжною жертвою меча и копья арабовъ, слѣды побѣднаго шествія которыхъ обозначались дымящимися развалинами. Все, что только напоминало здѣсь христіанство, подвергалось уничтоженію и дикому поруганію. Костями лучшихъ сыновъ Грузіи были усеяны поля несчастной страны и кровью политы ея нивы; не крики веселья и довольства раздавались съ одного ея края до другаго, но плачь и стоны живыхъ надъ трупами родныхъ и близкихъ осиротѣлому сердцу. Во время этого вторженія, по словамъ царевича Вахуштія, были сожжены во Мцхетѣ Мцхетскій соборъ и церковь крестовая за Арагвой, что противъ Мцхетскаго храма. Изъ послѣдней ограбленъ былъ и взятъ крестъ, который велѣдствіе открывшейся въ пути эпидеміи, погубившей весьма много изъ непріятельскаго войска, былъ возвращенъ съ почестями обратно въ Крестовую церковь. Царственный Тифлисъ на 400 лѣтъ сдѣлался мѣстопробываніемъ арабскихъ намѣстниковъ. Особенно же печальна была судьба восточной Грузіи. Въ это время Карталиніей правилъ Нерсесъ, сынъ Адарнаса I (619—639) Куропалата, котораго оклеветали его враги предъ Эмиромъ сарациновъ Мумни—Абдалой. Нерсесъ былъ вызванъ въ Багдадъ и отданъ подъ стражу, гдѣ три года томился въ заточеніи, не имѣя рѣшительно никакой возможности оказать помощь своимъ бѣдствующимъ подданнымъ, на которыхъ арабы воздвигли страшное гоненіе, беспощадно преслѣдуя все то, что носило имя христіанское. Одинъ изъ современниковъ этихъ событій такъ описываетъ состояніе тогдашней Грузіи: „властелины наши въ настоящее время коварнымъ своимъ ученіемъ многихъ соблазнили и отвратили отъ пути правды и истины Христова Евангелія; отклонили отъ истиннаго ученія Бога Христа тѣхъ христіанъ, которые за 500 лѣтъ и прежде еще приведены были къ вѣрѣ и благочестію святою благодатію крещенія, и нынѣ предоставляются они то съ юныхъ лѣтъ обращенными къ вѣрѣ магометанъ, то насиліемъ, то велѣдствіе бѣдности и недостатка, и волнуются, какъ трость, колеблемая вѣтромъ“. Единовѣрные греки, будучи сами обезсилены въ непрерывной борьбѣ съ персами и арабами, тянувшейся около 100 лѣтъ, не могли оказать защиты грузинскому народу. Казалось, что раздробленное царство иверское, раздираемое, кромѣ того, бѣдственными племенными и династическими раздорами, подобно тому, какъ это было въ

удѣльный періодъ русской исторіи передъ нашествіемъ монголовъ, на краю гибели. Но милосердный Богъ, не хотящій смерти грѣшниковъ, среди постигшихъ несчастій и гоненій не оставилъ христіанскую страну, какъ не оставлялъ Онъ и православную Россію въ страшныя години ея испытаній, на произволь судьбы, внушивъ правителю Багдада, эмиру Альмумену, мысль освободить изъ заточенія невиннаго узника Нерсеса. Получивъ инвеституру на управленіе карталинскимъ царствомъ, освобожденный Нерсесъ возвратился въ родную землю, столь давно его ожидавшую, вмѣстѣ съ восемнадцатилѣтнимъ персидскимъ юношею Або, молодое сердце котораго было широко открыто для принятія христіанскаго ученія, Но недолго тотъ и другой наслаждались покоемъ среди благодатной православной семьи: новое нашествіе эмира на Грузію и новое неудовольствіе его на Нерсеса принудили послѣдняго оставить беззащитную Карталинію и, вмѣстѣ съ Або и 300-ми дружинниковъ, беззавѣтно преданныхъ ему, удалиться чрезъ Дарьяльское ущелье въ страну хазаръ. Здѣсь, внѣ своего отечества, находясь въ совершенной безопасности со стороны магометанъ, юноша Або отъ мѣстныхъ священниковъ удостоился принять столь сильно желаемое имъ св. крещеніе.

Изъ Хозаріи Нерсесъ и его неразлучные спутники отправились въ Абхазію, гдѣ, подѣ влияніемъ благочестивыхъ христіанъ, св. Або все болѣе и болѣе укрѣплялся въ вѣрѣ Христовой и приготавлился къ принятію свѣтлаго мученическаго вѣнца. Стефанозъ, сынъ Гургена, племянникъ Нерсеса, назначенный по распоряженію эмира правителемъ опустошеннаго жестокими врагами Карталинскаго царства, упросилъ своего дядю возвратиться въ Тифлисъ. Когда объ этомъ дошла вѣсть до христіанъ Абхазіи, то они стали очень усиленно просить юношу Або остаться среди нихъ и не подвергать себя роковой опасности, которая, внѣ всякаго сомнѣнія, ожидала его въ Тифлисѣ. „Сарацины- говорили преданные св. Або абхазцы—, узнавъ о твоёмъ происхожденія, употреблятъ всѣ усилія и средства, доступныя имъ, чтобы снова обратить тебя къ вѣрѣ отцовъ твоихъ, и дѣло спасенія, столь счастливо тобою начатое, несомнѣнно погибнетъ“.— Но св. Або, сильный духомъ, презрѣвъ грозившую ему опасность, мужественно послѣдовалъ за своимъ благодѣтелемъ и покровителемъ, царственнымъ Нерсесомъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ прибылъ въ Карталинію, и здѣсь примѣромъ своей жизни и высоко нравственной христіанской дѣятельности укрѣплялъ въ вѣрѣ малодушныхъ христіанъ грузинскихъ, обличая въ то же время нечестивую жизнь и религію своихъ единоплеменниковъ и проповѣдуя имъ съ апостольскою ревностью ученіе Христа. Такое поведеніе св. Або естественно возбудило въ сердцахъ магометанъ глубокую и непримиримую ненависть къ нему. Начальникъ арабовъ, по навѣстамъ враговъ св. Або, лишилъ его свободы, посадивъ подѣ стражу въ тюрьму, но, вслѣдствіе заступничества правителя Карталиніи Стефаноза, мужественный исповѣдникъ Христа былъ освобожденъ изъ подѣ

ареста, хотя, впрочемъ, и не надолго. Магометане не переставали увѣщавать св. Або всѣми способами отречься отъ Христа и снова принять ученіе Магомета. Самъ эмиръ снизошелъ до того, что нѣсколько разъ призывалъ этого непобѣдимаго борца за истину къ себѣ и вразумлялъ его бросить исповѣданіе Христа. Но ни прельщенія, ни угрозы не могли отклонить св. Або отъ любви, надежды и вѣры во Христа. Убѣдившись въ непоколебимой ничѣмъ рѣшительно твердости св. исповѣдника, эмиръ приказалъ снова заключить его въ тюрьму.

Зная, что отъ враговъ ждать пощады бесполезно, св. Або сталъ готовиться къ неизбежной для него мученической смерти. Онъ продалъ свою верхнюю одежду, на вырученныя деньги купилъ ладанъ и свѣчи и, разославъ ихъ по всѣмъ православнымъ тифлискимъ церквамъ, просилъ священниковъ помолиться о немъ Господу, а самъ сталъ готовиться къ переходу въ лучшій міръ, къ принятію уготованнаго ему Христомъ мученическаго вѣнца и до разсвѣта молился. Приобщившись въ самый день Богоявленія Господня св. Таинъ, онъ помазалъ голову свою елеемъ и произнесъ: „теперь я готовъ!“. Въ этихъ словахъ исполнѣ и опредѣленно выразилась непоколебимая его рѣшимость скорѣе соединиться со Христомъ, чтобы съ Нимъ и въ Немъ существовать вѣчно въ неизреченномъ словами человѣческими блаженствѣ, уготованномъ отъ созданія міра любящимъ Бога и соблюдающимъ Его повелѣнія. Явившіеся вскорѣ войны грубо взяли его изъ темницы, чтобы, согласно теперь уже безповоротному рѣшенію фанатика—эмира, подвергнуть смертной казни. Арабы, не вѣдая, что творили, повели, вѣрнѣе, повлекли св. исповѣдника Христова за городъ и во дворѣ храма 40 мучениковъ сняли съ него желѣзныя цѣпи. Радостно сталъ св. Або на колѣна и, сложивъ крестообразно руки, наклонилъ голову свою подъ мечъ, произнося умиленные слова покаявшагося на крестѣ разбойника: „Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!“ Сначала трижды ударили его тупою стороною меча, надѣясь чрезъ это поколебать мужество св. мученика, въ четвертый же отсѣкли ему голову. Не желая, чтобы св. останки его сдѣлались предметомъ почитанія христіанъ, арабы выпросили у эмира позволеніе совершенно сжечь тѣло многострадальнаго св. Або и предварительно обливши послѣднее нефтью, дѣйствительно, сожгли его близъ Метехскаго моста, называемаго въ настоящее время „мостомъ мучениковъ“, а недогорѣвшія кости и пепель отъ останковъ святаго бросили въ рѣку Куру. Это было 6 или 7 января 786 или 790 года по Р. Хр. Въ день смерти, ночью Богъ прославилъ Своего мученика: надъ мѣстомъ сожженія св. Або явилась ярко свѣтящаяся звѣзда, озарившая весь Тифлисъ чуднымъ блескомъ, а на другой день изъ подъ Метехскаго моста выходилъ огненный столпъ и, стоя надъ Курою, какъ знаменіе побѣды свѣта надъ тьмою, истины надъ ложью, освѣщаль окрестности города Тифлиса, и каждый почти изъ нихъ стремился къ тому мѣсту.

гдѣ былъ замученъ такъ жестоко вѣрный рабъ Христовъ, и даже ва-
мая земля, обогрѣнная его мученическою кровію, получила даръ исцѣленій
отъ всевозможнаго рода недуговъ и болѣзней, столь обычныхъ въ нашемъ
жизнейскомъ обыкновенномъ быту. Христіанскіе обитатели города Тифлиса
впослѣдствіи для увѣковѣченія въ благодарной памяти потомства самаго мѣ-
ста мученій св. Або поставили на немъ сначала св. крестъ, а затѣмъ воздвиг-
ли и часовню, которая приписана въ настоящее время къ Тифлисскому Спа-
со-Преображенскому монастырю ¹⁾.

Мученическая кровь православныхъ сыновъ Грузіи въ нашествіе араб-
скихъ завоевателей, имѣвшее мѣсто въ 730—731 г.г., обильно лилась не толь-
ко въ восточной ея половинѣ, но и въ западной, куда также вторгся съ не-
смѣтными своими полчищами Мурванъ Глухой, послѣдній халифъ изъ дома
Омайядовъ. Вся страна подверглась страшному опустошенію. Объ этомъ ужас-
номъ событіи мѣстные жители Кутаисской губерніи до сихъ поръ изъ рода
въ родъ сохраняютъ память, съ плачемъ указывая въ разныхъ мѣстахъ
Имеретіи остатки храмовъ и деревень, разрушенныхъ и опустошенныхъ ре-
лигіознымъ и военнымъ фанатикомъ Мурваномъ. Владѣтели восточной части
Имеретіи, князья Аргветскіе (Аргвести—селеніе, лежащее отъ Кутаиса къ
юго-востоку въ 35 верстахъ) Давидъ и Константинъ, собравъ войско и воору-
жившись вѣрою въ Бога и надеждою на Его помощь, встрѣтили передовыя
дружины Мурвана Глухаго и одержали надъ нимъ свою первую и единствен-
ную побѣду. Раздраженный Мурванъ двинулся на храбрыхъ побѣдителей со
всеми своими силами и, послѣ несчастной для грузинъ битвы, отважные
князья Давидъ и Константинъ ввяты были въ плѣнъ, связаны и представле-
ны къ нему въ Кутаисъ. „Кто вы, дерзнушіе поднять оружіе противъ
меня?“—грозно спросилъ ихъ халифъ.—„Развѣ вы не знаете“—продолжалъ
онъ,— „что я племянникъ Магомета, которому поклоняется вся Аравія и Персія,
и что оружіемъ моимъ покорена вся земля отъ востока до запада?“—„Мы
христіане“—смирненно отвѣтили они—„Магометъ, столь славно тобою превоз-
носимый, былъ обманщикомъ и губителемъ людей, и все принявшіе ученіе
его обманулись. Не обманывайся и ты, не гордись своею властью. Знай, что
Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христовъ, въ Котораго мы вѣруемъ, сильнѣе
тебя: Онъ наказалъ насъ за наши грѣхи, но не совершенно оставилъ,—на-
кажеть и тебя и родъ твой“.—Услышавъ эти слова, Мурванъ подозвалъ къ
себѣ мужественныхъ исповѣдниковъ вѣры Христовой и началъ соблазнять
ихъ ласковыми и льстивыми рѣчами: „Послушайте меня“—говорилъ онъ—
„и я дамъ вамъ добрый совѣтъ: примите вѣру великаго пророка Магомета, и
будете самыми счастливейшими людьми на землѣ.—Ты, Давидъ, какъ
старшій, будешь украшенъ первымъ, послѣ меня, достоинствомъ въ царствѣ,
а ты, юный Константинъ, будешь въ числѣ знатныхъ вельможъ у меня“.—

¹⁾ „Св. Або, мученикъ Тифлисскій“. Брошюра св. Кириона. Тифлисъ.
1899 г., стр. 1—14.

„Нѣтъ!“—отвѣчали мученики,—„не хотимъ быть нарушителями обѣтовъ св. крещенія. Дѣлай съ нами, что хочешь; но не думай, что мы отступимъ отъ истинной вѣры своей!“—Тогда раздраженный Мурванъ, подвергнувъ предварительно свв. братьевъ жестокимъ мученіямъ, приказалъ бросить ихъ въ темницу, куда черезъ 10 дней послалъ къ нимъ хитроумныхъ и опытныхъ своихъ имамовъ и волховъ съ порученіемъ склонить мужественныхъ воиновъ Христовыхъ къ принятію магометанства. Но мученики по прежнему оставались твердыми и непоколебимыми въ своемъ исповѣданіи. „Скажите пославшему васъ“,—рѣшительно заявили они—, „что мы готовы лучше умереть, нежели отречься отъ Христа и признать Магомета за пророка“. Видя безрезультатность своихъ попытокъ отвратить отъ вѣры во Христа доблестныхъ мучениковъ, Мурванъ принужденъ былъ произнести жестокой по исполненію приговоръ: „подвергнуть обоимъ братьевъ предварительно позорному бичеванію, привязавъ ихъ къ столбу головами внизъ, а затѣмъ, повѣсивъ имъ на шею тяжелые камни, бросить со скалы въ рѣку Ріонъ“.—Свв. мученики просили только дать имъ немного времени для молитвы и облегчить нѣсколько тяжелое бремя. По окончаніи молитвы и бичеванія, бросили ихъ въ Ріонъ (2 октября 740 года), немного ниже того мѣста, гдѣ находилась церковь свв. Космы и Доміана, въ старомъ городѣ Кутаисѣ, на горѣ. Въ ту же самую минуту, какъ только совершилась казнь свв. мучениковъ, словно отголосокъ ихъ пламенной молитвы, прогремѣлъ по небу ужасный громъ, устроившій мучителей—аравитянь, которые быстро разбѣжались по разнымъ мѣстамъ; но рука Божія всюду преслѣдовала ихъ: сильный дождь, градъ и внезапное наводненіе истребили большую часть полчищъ Мурвана, расположившихся у береговъ Цхенись-цкали, Абаши и Чернаго моря. Чудный голосъ и небесное сіяніе привлекли на берегъ нѣкоторыхъ воиновъ изъ дружины святыхъ мучениковъ; они съ честію подняли выброшенные волнами рѣки Ріона тѣла ихъ и положили въ древнемъ погребальномъ склепѣ, надъ которымъ находилась полуразрушенная церковь Благовѣщенія. 300 лѣтъ лежали здѣсь свв. мощи, пока, наконецъ, въ 1040 году мученики-братья въ ночномъ видѣніи не явились царю Баграту и не повелѣли ему открыть мощи ихъ и перенести въ самую церковь. Царь Багратъ перенесъ святые тѣла Давида и Константина въ обновленную имъ церковь Благовѣщенія, которая впоследствии была обращена въ монастырь, получившій названіе „Моцаметскаго“, недалеко отъ города Кутаиса, въ 6 верстахъ отъ него по направленію къ востоку, въ глубокомъ ущельи, на крутой скалѣ, окруженной съ трехъ сторонъ такъ называемой Красною рѣчкой,—гдѣ и почиваютъ въ настоящее время открыто, лицомъ къ лицу, въ одномъ деревянномъ гробѣ, вложенномъ въ новую бронзовую, серебряно-вызолоченную раку. *)

*) Брошюра „Моцаметскій монастырь и житіе свв. мучениковъ и князей Давида и Константина“. Свящ. Г. Хелидзе. IV изд. Кутаисъ. 1902 г., стр. 1-16.

Немного раньше палъ мученикомъ, вмѣстѣ со многими своими верноподданными, царь Арчилъ II (668—718). Почти цѣлое столѣтіе Грузія служила театромъ всевозможныхъ жестокостей со стороны религіознаго фанатизма мусульманъ.

Въ IX столѣтіи арабы все еще крѣпко держатся въ самомъ средоточіи Грузіи, обременяя ее тяжелою данью; но уже не видно съ ихъ стороны такихъ безпощадныхъ опустошеній, какія отъ нихъ часто терпѣла Грузія, а ослабѣвшій въ это время религіозный фанатизмъ ихъ даетъ здѣсь больше простора и безопасности христіанству. Воспользовавшись ослабленіемъ фанатизма у арабовъ и упадкомъ ихъ престижа, Ашотъ, куропалать Грузіи (787—826), нанесъ значительный ударъ ихъ могуществу.

Въ началѣ X вѣка распалась могущественная держава аббасидовъ, просуществовавшая немного болѣе двухъ вѣковъ. Халифатство пало, но православной Грузіи отъ этого не стало легче, такъ какъ ей угрожала новая опасность—нашествіе турокъ. Воспользовавшись слабостію Византіи, не имѣющей возможности дать серьезный отпоръ, турки—сельджуки, подъ предводительствомъ Альпъ-Арслана, въ 1064 году наводнили раздробленную Грузію несмѣтными своими полчищами. Тысячи плѣнныхъ грузинъ были сожигаемы въ храмахъ и монастыряхъ; церкви были обращены въ конскія стойла; священники, принося безкровную жертву, сами становились кровавою жертвою у алтаря Господня; старцы и мужи были избиты; растлѣвалось честное дѣвство и поругаема была стыдливость юношей. При этомъ опустошеніи, по словамъ „Картлисъ-Цховреба“, были разорены султаномъ всѣ церкви, села и деревни, принадлежащія Мцхетскому храму, за исключеніемъ самаго собора; истреблено было такъ много населенія, что отъ множества валяющихся труповъ люди не находили мѣста для своего пребыванія. Жители, побросавъ села и деревни, спасались въ горныхъ ущельяхъ и лѣсахъ *). Приписывая все постигшее несчастіе гнѣву Божию за грѣхи, народъ, по свидѣтельству „Картлисъ-Цховреба“, видѣлъ поразительныя явленія на небѣ: изъ багровыхъ облаковъ, носившихся надъ Грузіею, падали на землю проливные дожди крови, а ночная тьма озарялась какимъ-то ужасающимъ зрѣніемъ свѣтомъ.

Но, наконецъ, грозныя тучи прояснились и на ясно лазурномъ небѣ печальной Грузіи взошло величественное солнце, въ сіяніи котораго потонулъ полумѣсяцъ, эта эмблема враждебнаго религіи Христовой ислама. Сто двадцать лѣтъ, протекшихъ отъ воцаренія Давида III (1089—1125) до смерти великой царицы Тамары, являются самымъ отраднымъ временемъ въ историческомъ прошломъ многострадальной Иверіи. „Долго безмолствовавшія горы и долины Грузіи“—говоритъ историкъ С. Баратовъ—«огла-

*) Мухетъ и его соборъ Свѣти-Цховели. А. Натроева, стр. 193—194.

сидись вновь торжественнымъ звономъ церковныхъ колоколовъ и, вмѣсто рыданій, раздались вездѣ пѣсни веселыхъ поселянъ»—и всему этому Грузія была обязана прежде всего умному, просвѣщенному и богобоязненному царю своему, знаменитому въ исторіи Давиду III-му.

Вступивъ на престолъ въ 1088 году шестнадцатилѣтнимъ юношею, Давидъ III озаботился прежде всего возстановить миръ и спокойствіе въ своей странѣ, потушить всякіе внутренніе раздоры и междоусобія, исходившія отъ своеволія и корысти нѣкоторыхъ владѣтельныхъ князей, отпавшія области вновь присоединить къ Грузіи и возстановить поколебленное уваженіе къ св. вѣрѣ и царской власти. Все это, конечно, было дѣломъ нелегкимъ; но оно являлось неотложнымъ и совершилось Давидомъ съ полнымъ успѣхомъ путемъ строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ. Возстановивъ внутреннее спокойствіе въ своемъ царствѣ, Давидъ III вознамѣрился очистить страну и отъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ православной вѣры и грузинской народности. Онъ усмирилъ и сдѣлалъ своими подданными нѣкоторыя дикія языческія племена, безпокоившія своими хищническими набѣгами предѣлы Грузіи; горцевъ—осетинъ, по временамъ разорявшихъ сѣверныя области Иверіи, подчинилъ своей власти и большую часть изъ нихъ обратилъ въ христіанскую вѣру. Окончательно ослабилъ и здѣвшихъ своихъ враговъ—турецкія полчища, часть которыхъ въ то время отвлечена была отъ предѣловъ Грузіи на югъ, къ Іерусалиму, для борьбы съ крестоносцами западной Европы, пытавшимися освободить священный городъ отъ агарянскаго владычества.

Но и внутри Грузіи, въ ея церковно-общественномъ быту, накопилось слишкомъ много зла. Пользуясь смутнымъ временемъ, люди знатные, хотя и недостойные, захватили епископскія кафедръ и настоятельство главныхъ монастырей и управляли ими самовластно, обращая всѣ доходы въ свою личную пользу. Изъ-за корысти поставляли они столь же недостойныхъ священниковъ, которые, вмѣсто того, чтобы поучать народъ словомъ и живанію, подавали ему примѣръ крайняго нечестія и разврата. Порча нравовъ замѣчалась въ то время и во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Вслѣдствіе частыхъ столкновеній съ язычниками и магометанами, многіе грузины переняли отъ тѣхъ и другихъ нѣкоторые религиозные обряды и обычаи, а потому и религиозно-нравственная жизнь ихъ представляла собою пеструю въ высшей степени смѣсь христіанскихъ, магометанскихъ и языческихъ вѣрованій. Въ нѣкоторыя мѣста Грузіи проникали ереси Несторія и монофизитовъ, представителями и проводниками которыхъ являлись главнымъ образомъ армяне. Чистотѣ православія грозила, какъ видно, немаловажная опасность, а глубокой упадокъ нравственности въ странѣ почти повсемѣстно, внѣ всякаго сомнѣнія, могъ поколебать въ самой основѣ семейную и общественную жизнь грузинскаго народа. Ревнующій искренно о чистотѣ

вѣры и благочестіи своихъ подданныхъ, царь Давидъ III не могъ разубѣдятся, спокойно смотрѣть на быстро растущее зло въ своемъ царствѣ и вынужденъ былъ принять серьезныя мѣры къ его искорененію. Для этого онъ въ 1103 году созвалъ въ городѣ Ружѣ (Руисѣ), что въ Карталиніи, соборъ изъ многихъ епископовъ и священниковъ, оставшихся вѣрными своему высокому призванію и пастырскому долгу. Постановленіями этого собора многіе недостойные епископы и пресвитеры были низложены и осуждены на покаяніе, а на мѣсто ихъ были избраны и поставлены достойные люди; на этомъ же соборѣ было утверждено православное исповѣданіе вѣры и изданы многія правила, касавшіяся церковнаго благочинія и благоповеденія христіанъ. Правила эти были прибиты для обнародованія во всеобщее свѣдѣніе на каменныхъ столбахъ Мцхетскаго патріаршаго собора и въ Руисскомъ кафедральномъ храмѣ, гдѣ происходили засѣданія созваннаго собора.

Цѣны высоко монастыри и храмы, какъ расадники духовнаго просвѣщенія въ странѣ, какъ надежную опору православія и образецъ нравственной христіанской жизни, какъ, наконецъ, средоточіе наукъ, царь Давидъ III много заботился объ ихъ возстановленіи изъ груды развалинъ, а также и о построеніи новыхъ, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ сооруженный въ центрѣ его царства, близъ города Кутаиса, храмъ въ честь св. великомученика Георгія, патрона и покровителя Грузіи. Храмъ этотъ, существующій и въ настоящее время, при которомъ вскорѣ же образовалась Гаенатская или Гелатская обитель, всегда былъ предметомъ особенныхъ царственныхъ заботъ Давида III. Богатствомъ, красотою и обиліемъ разноцвѣтнаго мрамора зданіе это превосходило собою все, что до того времени было сооружаемо въ Иверіи. Въ украшеніи этого славнаго святилища принимали участіе и греческіе императоры родственные царямъ грузинскимъ. Императоръ Алексѣй Комненъ, зять Давида III, прислалъ художниковъ для исполненія нѣкоторыхъ работъ въ храмѣ. Давидъ III, этотъ царственный строитель и возобновитель Грузіи, не жалѣлъ для храмовъ ни золота, ни серебра, заботясь въ тоже время и объ обезпеченіи ихъ земельными надѣлами и разными угодьями. Такого рода благотворительность царя простиралась далеко за предѣлы его царства: онъ дѣлалъ большія пожертвованія въ греческія обители, отправлялъ вклады на Аѳонъ, въ Іерусалимъ, на Синай и др. мѣста. Вообще грузинскія лѣтописи характеризуютъ Давида, какъ человѣка высокаго христіанскаго благочестія и христіанской настроенности. По ихъ словамъ, царь любилъ посѣщать обители и храмы Божіи, въ которыхъ онъ всегда съ полнымъ благоговѣніемъ слушалъ слово Божіе и творенія свв. отцовъ церкви, любилъ бесѣдовать съ учеными людьми, занятія которыхъ онъ всегда старался поощрять. Не даромъ время царя Давида III называется „золотымъ вѣкомъ“ духовнаго просвѣщенія въ Грузіи. При немъ особенно прославились: 1) Ефремъ

Младшіи, какъ переводчикъ съ греческаго на грузинскій языкъ книги св. Діонісія Ареопагита „О небесной іерархіи“; онъ же написалъ исторію обращенія въ христіанство Грузіи и исторію о жизни и подвигахъ св. ап. Фомы; 2) Теофиль—инокъ, переведшій съ греческаго на грузинскій языкъ литургію св. апостола Іакова и составившій жизнеописанія нѣкоторыхъ подвижниковъ грузинскихъ; 3) Арсеній Икальскій, духовникъ царя Давида, оставившій послѣ себя слѣдующіе труды: а) акты помѣстныхъ Мцхетскаго и Руисскаго соборовъ, автографы которыхъ хранятся въ Мцхетскомъ кафедральномъ соборѣ; б) похвальное слово въ честь Давида—Возобновителя; в) историческое повѣствованіе объ отдѣленіи армянъ отъ церкви православной.

Любимымъ занятіемъ царя въ домашнемъ быту было чтеніе божественныхъ книгъ. Часто, отправляясь въ походъ противъ враговъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ книгу Слова Божія и читалъ ее, не слѣзая съ коня. Святая душа Давида сказалась и въ заботахъ его о меньшихъ міра сего. Для престарѣлыхъ и бѣдныхъ онъ сооружалъ богадѣльни, больницы и всѣ нужды ихъ покрывалъ изъ собственныхъ средствъ. Нерѣдко самъ приходилъ къ больнымъ, утѣшалъ ихъ, возбуждалъ къ терпѣнію, своими царственными руками перевязывалъ имъ раны, подносилъ пищу, и этою христіанскою дѣятельностію своею какой достойный для подражанія примѣръ подавалъ онъ своимъ подданнымъ! И Господь благословилъ за это его царствованіе: народъ жилъ спокойно, благоденствовалъ, вознося молитвы за своего праведнаго царя, громкая слова о которомъ распространилась далеко за предѣлами Грузіи. Иностранные государи искали союза съ нимъ, пользовались его совѣтами, посылали ему дорогіе подарки. Великая душа Давида заключалась въ исполинскомъ тѣлѣ; въ перстень его, хранящійся доселѣ въ созданной имъ Гелатской обители, могутъ свободно входить два пальца руки современнаго человѣка. Преданіе гласитъ, что онъ имѣлъ неимовѣрную силу, и что собственноручно носилъ громадные камни для созиданія храмовъ Божіихъ. Но вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ силы тутъ же и свидѣтельство благочестія: на перстнѣ царя вырѣзанъ ликъ великомученика Георгія для печати, а внутри перстня—часть св. мощей св. Георгія. Такимъ образомъ не только св. его ликомъ, но даже святынею его мощей запечатлѣвалъ Давидъ всѣ царственныя дѣла свои. И сколько надобно было стараться направлять ихъ по заповѣдямъ Господнимъ, чтобы потомъ дерзнуть утвердить такую печатію! Среди постоянныхъ заботъ и трудовъ для блага своей страны Давидъ III приближался къ закату своей многоплодной жизни. За нѣсколько дней до смерти († 1125 г.) онъ торжественно поставилъ своего старшаго сына Дмитрія на грузинскій престолъ: предъ лицомъ собравшихся придворныхъ, областныхъ правителей и несмѣтнаго множества народа царственный отецъ возложилъ на главу своего сына собственными

руками царскую корону, препоясалъ его своимъ мечемъ на страхъ врагамъ, накинудъ на державныя плечи его свой виссонъ и, наконецъ, посадилъ на престолъ своихъ предковъ. Простившись со всѣми своими родными и приближенными, онъ крестообразно сложилъ свои мощныя руки, бывшій мечемъ и щитомъ царству, и тихо предалъ духъ свой Богу. Большая гранитная плита съ надписью „сей покой мой въ вѣкъ вѣка“ доселѣ лежитъ надъ останками тѣла гиганта—царя, скрытыми въ созданной имъ Гелатской обители. Благодарная церковь иверская причислила великаго Давида—Возобновителя къ лику святыхъ Божіихъ и празднуетъ память его 26 января *).

До времени Георгія III (1150—1172) православная Иверія продолжала мирное свое развитіе, а затѣмъ въ царствованіе названнаго государя военачальники грознаго халифа, султаны сельджукскіе и хоросанскіе, не разъ соединенными силами нападаютъ на Грузію съ намѣреніемъ разомъ сокрушить ее, какъ преграду, которая задерживала ихъ ожесточенный напоръ на завоеванную западными крестоносцами Палестину, но грузины мужественно отражали всѣ эти нападенія озлобленныхъ враговъ. Не смотря на происки византійскаго двора, съ завистью смѣрившаго на быстро возроставшее могущество грузинскаго царства и потому всячески мѣшавшаго Багратидамъ объединить всѣ грузинскія земли и уничтожить пагубный для страны феодализмъ, Грузія всетаки усилилась на столько, что уже могла возвысить свой голосъ въ защиту гонимаго православія и по мѣрѣ силъ способствовать облегченію участи христіанъ востока.

Вѣкъ знаменитой Тамары (1172—1212), въ лицѣ которой блистательно сочетались царственныя доблести со всѣми добродѣтелями женщины и истинной христіанки, былъ зенитомъ славы Грузіи и благоденствія отечественной церкви **).

По смерти грузинскаго царя Георгія III, ближайшимъ наследникомъ престола царскаго оказалась двадцатилѣтняя дочь его Тамара. Она сначала не хотѣла выходить замужъ, чувствуя влеченіе къ дѣвственной жизни; но потомъ, по усиленнымъ просьбамъ католикаса и вельможъ, перемѣнила свое намѣреніе и отдала руку свою русскому князю Георгію, сыну Андрея Боголюбскаго, путешествующему въ то время по востоку. Георгій, женившись на Тамарѣ, не оправдалъ надеждъ Грузіи, хотя и отличался храбростію и мужествомъ въ битвахъ. Развратная жизнь его принудила Тамару

*) Краткое жизнеописаніе главнѣйшихъ дѣятелей груз. церк. исторіи. Святиц. И. А. Протопоповъ. Москва. 1901 г., стр. 32—38.

**) Двѣнадцатилѣтняя религиозная борьба православной Грузіи съ исламомъ. Е. К. Тифлисъ 1899 г., стр. 11—22.

удалить его от себя, и католиков, расторгнувъ бракъ, объявила царицу свободною вступить во второе супружество. Опять отрекалась Тамара, но ее опять убѣдили настоятельныя молибы духовенства, вельможъ и народа, которые желали видѣть отъ ея супружеской жизни продолженіе царственнаго рода. Одинъ за другимъ начали являться къ царскому двору новые искатели руки царицы, въ числѣ коихъ былъ сынъ греческаго императора Мануила, но Тамара выбрала себѣ единокровнаго осетинскаго князя, изъ своей же фамиліи Багратидовъ, — Давида Сослана, который счумѣлъ оправдать ея выборъ. Эта царственная женщина, по выходѣ ея замужъ, поставила первую свою задачею усмиреніе сарацинъ, персовъ и турокъ, вторгавшихся съ разныхъ сторонъ въ предѣлы Иверіи и производившихъ въ ней опустошенія. Богъ видимо благословлялъ оружіе иверійцевъ, шедшихъ на брань съ твердою надеждою на помощь Божию. Во время двухъ блистательныхъ побѣдъ надъ турками она взяла много ихъ въ плѣнъ и нѣкоторыхъ обратила ко Христу. Тамара успѣла, хотя и не на долгое время, соединить подъ своею державою Абхазію, всѣхъ горныхъ жителей, Имеретію, Мингрелію, сосѣднюю Осетію и часть Дагестана, Карталинію и Кахетію. Слава и могущество царицы вслѣдствіе усмѣха ея оружія возрастали быстро. Съ могуществомъ Иверіи возрастало и ея богатство. По словамъ грузинскихъ лѣтописей, у Тамары при царскомъ столѣ не употребляли другихъ сосудовъ, кромѣ золотыхъ и серебряныхъ, а жемчугъ и драгоценныя камни мѣряли мѣрами. Изъ этого богатства многое она употребляла на добрыя дѣла: она любила сооружать и украшать храмы Божіи какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и внѣ его. Между храмами, сооруженными ею въ самой Грузіи, особенно замѣчательны: храмъ во имя Св. Троицы, находящійся въ сѣверной части Кахетіи, на лѣвомъ берегу рѣки Алазани, и храмъ во имя Божіей Матери въ Вардзій, близъ Ахалциха. Ей, между прочимъ, приписываютъ много построекъ башенъ и церквей на вершинахъ высокихъ горъ и въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ. Грузины сохранили любопытное преданіе о способѣ перенесенія строительнаго матеріала къ мѣсту постройки церквей: когда Тамара намѣревалась соорудить церковь, она разставляла свое войско въ такомъ порядкѣ, чтобы послѣдній воинъ стоялъ на самомъ мѣстѣ постройки, а первый — у подошвы горы, на берегу рѣки, вообще около строительнаго матеріала. Такъ передавались изъ рукъ въ руки кирпичи, камни, вода, свѣ. иконы и прочая церковная утварь. На украшенія храмовъ царица не щадила сокровищъ и для содержанія причтовъ при нихъ жертвовала огромныя помѣстья. Легендарная исторія, приписывающая Тамарѣ всѣ замѣчательныя памятники Грузіи, не далека отъ истины, потому что множество памятниковъ оставлено именно ею. Она написала свое имя каменными твердынями на долинахъ и горахъ Грузіи. Церкви и кресты на неприступныхъ скалахъ, внутри самыхъ дикихъ ущелій на Черномъ и

Каспійскомъ поморьѣ и даже по ту сторону горъ—нѣмыя свидѣнія въ величавой эпохи. Въ Карталискомъ ущельѣ понынѣ видны развалины одного изъ храмовъ, созданныхъ Тамарою, особенно памятнаго тѣмъ, что въ немъ хранилась нѣкогда чудотворная икона Иверской Божіей Матери, драгоценный даръ Тамары осетинскому народу, родственному ей по мужу.

Храмъ этотъ два раза былъ разрушенъ пожаромъ, и два раза икону Богоматери находили подъ грудой развалинъ и пепла невредимою. 600 лѣтъ пребывала св. икона въ Карталискомъ ущельѣ. Но когда магометанство ворвалось въ Кавказскія горы, а русское правительство пригласило горскихъ христіанъ за Терекъ, къ Моздоку,—св. икона Иверіи становится русскою святынею. Сохранилось преданіе, что когда, въ 1793 году, прибыла партія горцевъ съ иконою къ Моздоку, и тагдашній епископъ Моздокскій, встрѣтивъ ее съ крестами и хоругвями, внесъ въ соборъ, то Богоматерь особеннымъ чудомъ извѣстила, что икона должна остаться внѣ города, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась и провела ночь на черкесской смиренной арбѣ. Тамъ соорудили часовню, а впоследствии воздвигли деревянный храмъ во имя Успенія Божіей Матери. И нынѣ русскіе паломники стекаются сюда на поклоненіе со всего Кавказа и изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ русской земли.

Самый поэтическій памятникъ Тамары—Вардзіа, „Замокъ Розъ“. Верхнюю Карталинію Тамара почитала лучшимъ перломъ своего вѣнца, и тамъ, въ окрестностяхъ Ахалпиха, въ крутой обрывистой скалѣ, она вырубилла этотъ роскошный дворецъ, вмѣщавшій въ себѣ до 360 покоевъ. Путешественникъ и понынѣ можетъ видѣть остатки этого величественнаго царскаго жилища, въ которомъ среди келлій и корридоровъ въ нѣдрахъ земли сохранился храмъ огромныхъ размѣровъ, украшенный фресками, и посреди этихъ фресокъ какое-то странное и волнующее впечатлѣніе производитъ изображеніе самой древней полумиѳической царицы, во весь ростъ стоящей передъ зрителемъ. Тутъ же, въ боковомъ предѣлѣ церкви, виднѣн каменный балдахинъ, подъ которымъ, какъ думаютъ, была похоронена Тамара, скончавшаяся въ своемъ любимомъ „Замкѣ Розъ“ въ 1212-мъ году; *) но есть мнѣніе, что прахъ ея обрѣтается въ Гелатскомъ монастырѣ. Рачинцы ищутъ ея могилу у себя, а сванеты скрываютъ ея тѣло подъ алтаремъ Уткульской Богородичной церкви, и понятно почему: отъ нея вѣдь, по народному повѣрью, зависитъ все благосостояніе Сванетіи. Царь, владѣющій ея прахомъ, будетъ первымъ счастливецемъ въ мірѣ. Грузинскія племена неохотно разстались съ своей умершей царицей, и каждое хотѣло бы найти у себя мѣсто ея вѣчнаго упокоенія. Эта великая

*) Кавказская война... В. Потто. СПб. 1885 г., т. I, стр. 235—236.

царица, по ея словамъ въ одной народной пѣснѣ, унесшая послѣ всѣхъ своихъ славныхъ дѣяній съ собой въ могилу лишь семь аршинъ грубаго холста, олицетворяетъ въ Грузіи, въ образѣ женщины, высшій идеаль челоѣка нравственной высоты, героя и мудраго правителя. Уже при жизни обоготворенная царица удостоилась безсмертія въ народной памяти. Тамара не умерла, она лишь спитъ въ золотой колыбели; но наступитъ время, и она проснется. Когда народъ, огорченный житейскими невзгодами, расплачется и затоскуетъ, то голосъ людской скорби дойдетъ до царицы; она внемлетъ народному стону, воспринетъ и вновь воцарится. *)

Въ поэтическомъ типѣ царицы Тамары выразился XII вѣкъ въ Грузіи, ея золотая эпоха. Народное самосознаніе и народныя надежды, идеи политическаго могущества и правовѣрія, культуры и мирнаго строительства,—все это объединилось въ образѣ царицы—красавицы, одѣлось въ романическія краски, выступавшія тѣмъ ярче, чѣмъ мрачнѣе былъ фонъ послѣдовавшихъ событій. **) Тамара—это могущество Грузіи. Придворный пѣвецъ Тамары, авторъ „Барсовой Кожі“, восхваляетъ ея царствованіе въ слѣдующихъ стихахъ:

„Льву подобна—величавой
Силой мощи эта львица;
Правитъ Грузіей со славой
Дѣва солнца и царица.
Блещетъ царская корона,
А въ бояхъ знамена вьются;
Отъ золотыхъ ступеней трона
Правда, милость, блага льются.
Весь Востокъ поетъ ей оды;
Ей легко правленья бремя;
Вѣкъ Тамары—вѣкъ свободы,
Золотое наше время!...“ (***)

Народная пѣсня вторитъ лѣтописи, говоря: «царица подняла голову до небесъ, Стамбуль и Дербентъ покорила своей власти, пробила грозныя горы, провела широкія дороги, на высяхъ горъ, въ лѣсахъ дремучихъ возвела храмы и обители*.—„Отъ вратъ Дербента до Трапезунда, отъ вершинъ Кавказа до Дамаска—все пало ницъ предъ всеильной царицей“, рассказываетъ въ

*) Очерки изъ исторіи Грузіи. В. Е. Романовскій. Тифлисъ. 1901 г. стр. 100.—

**) Ibidem, стр. 95.

***) Ibidem, стр. 101.

другомъ преданіи, перенесшемъ на Тамару кавказскую легенду объ Александрѣ Македонскомъ. „Востокъ раскрылъ Тамарѣ свои сокровища, западъ воспылъ ея славу, сѣверъ и югъ дивились ея мощи. Всѣ благословляли Тамару и страшились ея; горы слушались ея воли, земля жаждала ея прикосновенія, небо добывалось ея улыбки... тучею грозною надвинулась она на востокъ, гнѣвомъ Божиимъ разразилась надъ невѣрными, лучемъ кроткимъ озарила Грузію“ *).

Слѣдуя примѣру своего предка, царя Давида III Возобновителя, Тамара посылала богатые вклады въ разные мѣста Византіи, въ Іерусалимъ, на Аѳонскую гору, Синай и другія мѣста. Изъ монастырей разныхъ странъ къ ней являлись монахи за пожертвованіями и возвращались домой съ богатыми подарками. Вообще щедрость ея была безпримѣрная; о проявленіяхъ ея грузинскія лѣтописи передаютъ не мало сказаній.

Такъ, напр., рассказываютъ: собираясь идти въ Гелатскій монастырь къ обѣднѣ, она прикрѣпляла лалы (драгоценные камни) къ своей царской повязкѣ, и въ это время прислуга подошла къ ней сказать, что какая-то нищая проситъ милостыни у дверей ея царскаго терема. Царица велѣла подождать нищей; но когда, по выходѣ изъ своей палаты, хотѣла подать ей милостыню, то нищей не оказалось. Смущенная Тамара, упрекая себя, что отказала бѣдной въ милостынѣ, сняла съ себя то, что было виною ея замедленія, т. е. свою повязку изъ лалъ, и надѣла ее на вѣнецъ иконы Хохульской Богоматери, болѣе достойной этого украшенія.

Отличаясь дѣлами благочестія и благотворительности, Тамара, вмѣстѣ съ тѣмъ, не мало заботилась о духовномъ просвѣщеніи своего народа. Являясь по временамъ то къ одному, то къ другому подвластному племени, то въ то, то въ другое селеніе, она открывала всюду народныя церковныя школы, оказывала особое покровительство учителямъ, писателямъ и ученымъ людямъ. Время ея царствованія, какъ и царствованіе Давида—Возобновителя, извѣстно было подъ именемъ золотого вѣка грузинской литературы, и дошедшія до насъ сочиненія того времени доказываютъ, что она обращала особенное вниманіе на литературу духовную и свѣтскую. Въ своемъ прекрасномъ обширномъ дворцѣ, на берегу рѣки Алазани (въ сѣверной части Кахетіи), Тамара собирала для совѣтовъ въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ начальниковъ областей и просвѣщенныхъ людей.

Когда въ церкви Иверской открылись между членами клира нѣкоторые безпорядки, Тамара для искорененія ихъ созвала изъ епископовъ и пресвитеровъ во Мцхетѣ соборъ, чтобы утвердить церковь чиноположеніемъ, согласнымъ съ устроеніемъ церкви греческой **).

*) Ibidem, стр. 95—97.

**) Краткое жизнеописаніе главн. дѣятелей груз. церк. исторіи. Свщ. И. А. Протопоновъ. Москва. 1901 г., стр. 38—41.

Въ видахъ облегченія судьбы христіанъ востока и въ видахъ поддержанія пошатнувшейся царской отрасли Комненовъ, Тамара завоевала сѣверную часть Малой Азіи и образовала тамъ особое христіанское государство, которое и вручила находившемуся при ея дворѣ внуку императора Андроника I, Алексію I, давъ ему титулъ Трапезундскаго императора. Эта имперія, какъ политическая база, была воздвигнута въ противовѣсъ варварской династіи латинянъ, чтобы помѣшать окончательному водворенію ея на православномъ востокѣ латинской царской династіи и при первой же возможности вырвать Византію изъ рукъ крестоносцевъ. Тамара—лучезарное свѣтило Грузіи—мудрымъ и гениальнымъ своимъ управленіемъ водворила въ своемъ отечествѣ судъ и милость, правду и истину. За эти великія заслуги отечеству грузинская церковь ублажаетъ ее въ недѣлю мироносицъ *).

Невольно останавливается на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что въ Грузіи, странѣ полувосточной, гдѣ женщинѣ въ общественномъ строѣ отведено такое незначительное мѣсто, высшій идеаль челоуѣка нашелъ себѣ олицетвореніе въ образѣ женщины. (в. Нина—идеаль высоты нравственной, царица Тамара—идеаль героя и мудраго правителя. Нина и Тамара—самыя любимыя имена грузинъ.

Съ кончиною Тамары († 1212 г.) все измѣнилось, какъ будто она унесла въ могилу счастливые дни своей родины **). Блистательное царствованіе ея стоитъ на чертѣ всего славнаго и всего горькаго, посѣтившаго Грузію. Послѣ Тамары Грузія стала снова клониться къ упадку. Сынъ и преемникъ ея, Георгій IV Лаша (1212—1223 г.), вмѣсто разумнаго управленія страной, предавался грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ, окруживъ себя безнравственными людьми и распутными женщинами. При немъ вторглись монголы подъ предводительствомъ одного изъ полководцевъ Чингизъ-Хана. Грузинскія войска, предводимыя самимъ царемъ, потерпѣли пораженіе; Георгій съ остаткомъ войска спасся бѣгствомъ. Страна подверглась опустошенію ***). Государь этотъ извѣстенъ еще тѣмъ, что, будучи извѣщенъ специальнымъ посланцемъ отъ крестоносцевъ, собралъ войско и приготовился идти къ нимъ на помощь, но задуманное намѣреніе царя не осуществилось, вслѣдствіе того, что въ это время, какъ извѣстно изъ предъидущаго, нагрянули на Грузію монголы, чѣмъ и отвлекли силы грузинъ отъ Св. Земли. А вскорѣ затѣмъ, въ 1223 году, послѣдовала и смерть самого царя ****).

*) Двѣнадцативѣковая религ. борьба прав. Грузіи съ исламомъ. Е. К. Тифлисъ. 1899 г., стр. 22 и 24.

**) Кавказская война. . . . стр. 236.

***) Очерки изъ исторіи Грузіи. В. Е. Романовскій. Тифлисъ. 1902 г. стр. 102.

****) Двѣнадцативѣковая религ. борьба..., стр. 68.

Во все дальнѣйшее свое существованіе мученическая Иверія уже больше не видѣла счастливой эпохи. Царствованія Георгія V Блистательнаго (1318—1346), Александра I Великаго (1414—1442) и Ираклія II (1744—1798), хотя и возвысили Грузію, доставивъ ей на короткое время спокойствіе, но не могли вернуть ей золотого вѣка царствованія Тамары. Пѣвецъ этой великой царицы Шота Руставели, авторъ „Барсовой Кожи“, грузинскій Гомеръ, въ своемъ безсмертномъ твореніи „Вепхисъ—Ткаосани“ предугадывалъ наступленіе для Грузіи бѣдствій отъ вторженія мусульманъ; его вѣщее сердце чувствовало, хотя и бессознательно, приближеніе грядущаго погрома. Предчувствіе великаго поэта скоро исполнилось.

Спусти полтора десятка лѣтъ послѣ смерти Тамары Русуданъ (1223—1247), недостойная ея дочь, унаслѣдовавшая отъ знаменитой матери красоту, но не добродѣтели ея, была причиною перваго разгрома Грузіи. Претендентъ на ея руку и сердце, хоросанскій султанъ Джелаль-Эддинъ Макберни, получивъ отъ царицы категорическій отказъ въ своемъ сватовствѣ, въ 1226 году съ огромною арміею двинулся на Грузію, прошелъ съ огнемъ и мечемъ ея южныя провинціи, вырѣзалъ все населеніе и взялъ Тифлисъ, которому онъ жестоко отомстил за нанесенное ему оскорбленіе. По словамъ лѣтописца, „въ безграничномъ звѣрствѣ своемъ враги истребляли христіанъ до того, что всѣ улицы, овраги, ямы были наполнены убитыми. Султанъ велѣлъ разломать всѣ церкви до основанія и дерзость его дошла до того, что онъ приказалъ снять куполь съ Сіонскаго храма, устроить на высотѣ храма сѣдалище и для входа туда сдѣлать мостъ длинный, высокій и удобный. Онъ повелѣлъ взять иконы Спасителя и Сіонской Божіей Матери и поставить посрединѣ моста надъ рѣкою. Связанныхъ парно обоего пола лицъ приводили къ мосту, принуждали пошпирать ногами иконы и отказываться отъ вѣры Христовой, а въ случаѣ сопротивленія—отсѣкать имъ головы. Весьма многіе отказывались отъ поруганія святынь, за что и пострадали. Было около 100,00 жертвъ изуверства враговъ». Эти бѣдствія длились пять лѣтъ. Причина ихъ, по словамъ грузинскаго бытописателя, окрывалась въ томъ, что цари и правители забыли Бога, законъ, нравственныя узы справедливости, отдались раздорамъ, взаимной ненависти и зависти.

Но не успѣла несчастная страна даже оправиться нѣсколько отъ этого нашествія, какъ на горизонтѣ ея появился съ своими полчищами Чингисъ-Ханъ (1155—1227), предавая весь край варварскому опустошенію. Монголы—татары особенно сдѣлались грозой для Грузіи, когда среди нихъ распространился исламъ, и они отъ побѣжденных народовъ, кромѣ дани, стали требовать еще и религіознаго отступничества. Они распинали грузинъ на крестахъ, стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль, изъ луковъ, сжигали на кострахъ и сажали на колъ, младенцевъ били о камни... Стоны, плачь

и кровь доставляли имъ потѣху, вызывали на ихъ безобразныхъ взвизгивахъ животное наслажденіе и адскій хохотъ; въ волнахъ рѣки Куры погибла въ это нашествіе масса людей мученической смертію *).

Въ это же время, когда власть латинянь въ Сиріи и Палестинѣ стала колебаться подъ мечами сарацинь, римскій папа рѣшился призвать на помощь грузинскую царицу Русуданъ, но послѣдняя, сама будучи занята войною съ врагами, не въ состояніи была исполнить желанія римскаго первосвященника. Въ тяжелую годину нашествія монголовъ на Грузію, Русуданъ первая успѣшила извѣстить христіанскихъ сосѣдей (горцевъ и армянъ) о наступающихъ для послѣдователей Христа испытаніяхъ и призывала подняться на защиту вѣры, причемъ, въ свою очередь, обратилась за помощію въ 1224 году къ папѣ Гонорію III, и въ своемъ письмѣ къ нему старалась обратить его вниманіе на «грозный мечъ варваровъ, давно уже висящій надъ странами сѣвера (разумѣется первое опустошеніе Россіи и Крыма монголами), и который, рано или поздно, размахнется и надъ католицизмомъ», царица извинялась передъ папою, что не могла исполнить даннаго ему обѣщанія о военной помощи противъ сарацинь; высказывала свою радость по поводу дошедшихъ до нея свѣдѣній, что онъ, папа, посылаетъ въ Сирію императора Фридриха II противъ общихъ враговъ; обѣщается оказать ему, т. е. императору, помощь своими войсками для освобожденія Гроба Господня. Письмо это, вмѣстѣ съ письмомъ военачальника царицы, было отправлено къ папѣ черезъ преосвященнаго Давида, епископа города Ани. Папа Гонорій похвалилъ въ лестныхъ выраженіяхъ намѣреніе царицы, воодушевлялъ народъ грузинскій поднять мечъ и соединиться съ Фридрихомъ для борьбы противъ общаго врага, причемъ просилъ прочитать свое посланіе публично всему народу грузинскому. Однако помощь царицѣ не была оказана. Грузины же тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ армянами, принимали участіе въ крестовыхъ походахъ. Царица Русуданъ, изнемогая въ борьбѣ съ монголами, вторично обращается съ письмомъ въ 1238 году къ папѣ Григорію IX, прося у него военной помощи противъ монголовъ, за что обѣщалась принять даже, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ грузинскимъ, «римскую вѣру». Въ отвѣтномъ посланіи къ царицѣ папа высказалъ притворное сожалѣніе, что, находясь самъ въ стѣсненномъ положеніи, не можетъ ни въ какомъ случаѣ помочь Грузіи. Впрочемъ, похваливъ мысль царицы о принятіи католичества, Григорій IX обѣщался послать въ ея страну доминиканскихъ монаховъ, которые и прибыли въ Грузію въ числѣ 7 человѣкъ для пропаганды католичества. Но всѣ старанія этихъ проповѣдниковъ остались совершенно безплодными: царица Русуданъ, не получивъ просимой ею отъ папы поддержки, отвергла и вѣру его. Между тѣмъ, какъ мы увидимъ это впоследствии, папы всетаки

*) Ibidem, стр. 25—28.

продолжали въ Грузіи свою пропаганду, съ которою постоянно борются грузинскому духовенству и монашеству ¹⁷⁾).

Но не прошло и десяти лѣтъ, какъ преемникъ Чингисъ-Хана, Гаюкъ, наводнилъ полчищами своими всю Азію, и татары снова появляются въ несчастной Грузіи.

Какъ Божій бичъ, какъ ураганъ, все уничтожающій передъ собою, прошли монголы черезъ страну, налагая „слои монгольскаго варварства“ на всѣ народы и царства Кавказа. За Гаюкъ-ханомъ слѣдовалъ страшный Батый, уже подчинившій Грузію правильному игу; онъ сдѣлалъ перепись и обложилъ народъ тяжелою данью. Къ бѣдствіямъ монгольскаго нашествія присоединилось въ 1259 году чреватое бѣдою и своими послѣдствіями, вызванное хитрою татарскою политикою, первое раздѣленіе Грузіи на два независимыхъ другъ отъ друга царства: собственно Грузію и Имеретію. Рабство скоро не замедлило принести свои обычные плоды: какъ нѣкогда на Руси худшіе изъ князей, изъ личныхъ своихъ видовъ въ династическихъ раздорахъ, жертвовали благомъ страны въ то время, какъ лучшіе изъ нихъ, борцы за дѣло отчизны, становились жертвами произвола хановъ, и въ Грузіи происходило тоже самое. Подобно русскимъ князьямъ, замученнымъ въ Ордѣ, погибъ мученическою смертію грузинскій царь Димитрій, названный Самопожертвователемъ (1270—1289 г.). Вслѣдствіе интригъ заподозривъ его въ невѣрности, ханъ Аргунъ, стоявшій уже на границѣ Грузіи съ цѣлью мстить народу за мнимую измѣну царя его, потребовалъ Димитрія къ себѣ. Зная причину ханскаго гнѣва и несправедливость клеветы, Димитрій рѣшился лучше пожертвовать собою, чѣмъ вызвать страшное нашествіе на родину. Чтобы обезоружить подозрѣніе хана, онъ взялъ съ собою и малолѣтняго своего сына Давида. Но ничто не могло уничтожить подозрительности деспота. Димитрій былъ немедленно заключенъ въ тюрьму и, по приказанію хана, обезглавленъ (1289 г.). Бывшіе съ нимъ грузины цѣною золота купили тѣло царственнаго мученика у стражей и тайно перевезли его во Мцхетъ ¹⁸⁾.

Въ царствованіе Димитрія Самопожертвователя, въ 1283 году, Мцхетскій соборъ былъ поколебленъ страшнымъ землетрясеніемъ. Начавшись въ четвергъ страшной недѣли, колебанія земли продолжались въ пятницу и субботу. Особенно же сильно было землетрясеніе въ день св. Пасхи. Отъ страшнаго колебанія почвы разрушались во многихъ мѣстахъ церкви, монастыри, обваливались горы и крѣпости, образовывались нефтяные источники и проч. Въ это-то время, по словамъ лѣтописи, обрушился Мцхетскій соборъ. Куполь

¹⁷⁾ Статя Э. Жорданія, напечат. въ газетѣ «Кавказъ» за 1885-г.

¹⁸⁾ Кавказская война..., стр. 236—287.

же Ацхурскаго храма, обвалившись во время богослуженія, накрыть собою чудотворную икону Богоматери, не повредивъ ей нисколько. ¹⁹⁾

Нелишнимъ считаемъ здѣсь отмѣтить немаловажное обстоятельство въ исторіи грузинской церкви, что въ годъ смерти царя Димитрія Самопожертвователя римскій папа Николай IV, желавшій воспользоваться въ цѣляхъ пропаганды католицизма въ Грузіи ²⁰⁾ ея несчастнымъ въ политическомъ отношеніи положеніемъ, прислалъ сюда новыхъ проповѣдниковъ изъ ордена „Fratres praedicatores“, которые приняты были грузинскимъ правительствомъ благосклонно, причемъ они, въ царствованіе Георгія V Блистательнаго (1318—1356), свергнувшаго монгольское иго и объединившаго Грузію,— добились учрежденія епископской кафедры въ самой столицѣ Иверіи—Тифлисѣ. Папа Іоаннъ XXII назначилъ первымъ епископомъ Іоанна Флорентійца особою грамотою, отправивъ въ тоже время увѣщательныя посланія къ царю грузинскому и нѣкоторымъ вельможамъ. Это происходило въ 1329 году.

Въ началѣ XIV вѣта, по разсказу византійскаго историка Пахимера, Кацанъ, ханъ восточныхъ татаръ, въ войскѣ котораго находился полкъ, всецѣло составленный изъ грузинъ, нанося тяжкія пораженія арабскому султану, дошелъ даже до самаго Іерусалима и чуть не овладѣлъ этимъ городомъ. Онъ подошелъ къ нему, главнымъ образомъ, изъ желанія вознаградить своихъ пберовъ, которые, какъ онъ зналъ, очень огорчались тѣмъ, что сарацины, враги Спасителя, владѣютъ «животворящимъ Его памятникомъ» и оскверняютъ его. Хотя Кацану и не удалось то, чего онъ желалъ, но, всетаки, онъ нанесъ сильное пораженіе войскамъ султана ²¹⁾.

Возсіявъ, какъ солнце, на омраченномъ горизонтѣ Грузіи, царь Георгій V Блистательный напомнилъ собою лицо предка своего—Возобновителя Давида. Подобно ему, онъ повсюду создавалъ и возобновлялъ храмы и обители, разрушенныя во время долгаго ига монгольскаго и бывшаго въ 1283 году землетрясенія. Ему приписывается устройство быта церковнаго, пострадавшаго въ періодъ владычества монголовъ. Имъ же былъ созданъ соборъ, уничтожившій многіе безпорядки и запретившій нарушеніе каноновъ церковныхъ. ²²⁾

При Георгіѣ V и его наслѣдникахъ уврачевались, такимъ образомъ, язвы страны, возникали изъ развалинъ города, строились церкви, возобнов-

¹⁹⁾ Мцхетъ и его соборъ Свѣти-Цховели..., 191—192 стр.

²⁰⁾ См. статьи Ѳ. Жорданія, напеч. въ газетѣ «Кавказъ» за 1885 г.

²¹⁾ Извѣст. древн. Греч. и Римск. писателей о Кавказѣ. Гана. ч. II. стр. 52—53.

²²⁾ Мцхетъ и его соборъ Свѣти-Цховели..., стр. 192.

лялись крѣпости. Казалось, многострадальной Грузіи дано было отдохнуть отъ ея стихійныхъ бѣдствій и золь, но только для того, чтобы собраться съ силами для новыхъ тяжелыхъ испытаній. Готовилось нашествіе страшнѣе монгольскаго: Тамерланъ явился на горизонтѣ испуганной Азіи. При внуцѣ Георгія Блистательнаго, Багратѣ Великомъ (1360—1395 г.), необыкновенно счастливо царствовавшемъ уже 25 лѣтъ, гроза, сокрушившая и дальнія и близкія царства, надвинулась на Грузію. Но грозный завоеватель встрѣтилъ здѣсь столь сильное сопротивленіе, какого онъ, по свидѣтельству самихъ монгольскихъ сказаній, не встрѣчалъ при раззореніи могущественныхъ государствъ Китая, Кабула, Бухары и Персіи. Тамерланъ вступилъ въ Карталинію въ 1387 году со стороны Карса со всѣми ужасами варварства, разрушая всѣ крѣпости, не оставляя дѣлою ни одной башни²³⁾. Ужасное зрѣлище представляла тогда Грузія: города и села въ развалинахъ; трупы горами валялись на улицахъ; смрадъ и вонь отъ ихъ гніенія заражали воздухъ и отгоняли людей отъ прежнихъ ихъ жилищъ, и только хищныя звѣри и кровожадныя птицы пировали за такой трапезой; поля истоптаны и выжжены; народъ разбѣжался по лѣсамъ и горамъ, такъ что на сотню верстъ не было слышно человѣческаго голоса.... Тѣ, которые спасались отъ меча, умирали отъ голода и холода, ибо безошадный фатумъ постигъ не только самихъ жителей, но и все ихъ имущество. Казалось, что огненная рѣка промчалась по печальной Грузіи. Небо ея и послѣ этого не разъ освѣщается заревомъ монгольскихъ костровъ, а дымящаяся кровь ея злополучнаго населенія длиною полоскою обозначаетъ путь грознаго и жестокаго повелителя Самарканда.²⁴⁾ Царь Багратъ, видя себя не въ силахъ бороться съ страшнымъ завоевателемъ въ открытомъ полѣ, заперся въ Тифлисской крѣпости. Кровопрлитна была полугодовая осада; но сила одолѣла мужество: царь очутился плѣнникомъ передъ Тимуромъ. Оставивъ въ Тифлисѣ гарнизонъ, Тимуръ отправился въ Карабахъ, ведя за собою плѣнныхъ и караваны добычи. Изъ Карабаха онъ снова отправилъ войско въ Карталинію съ приказаніемъ раззорить все, особенно же св. храмы. Лѣтописи подробно описываютъ опустошенія, которымъ подверглись тогда храмы: Мцхетскій, Руисскій, Квабтаховскій и проч. „Раззоряйте все, камня на камнѣ не оставляйте“,—приказывалъ Тамерланъ—„престарѣлыхъ мужчинъ и женщинъ, духовныхъ лицъ истребляйте мечемъ, прочіихъ берите въ плѣнъ, спалите огнемъ церкви, села и деревни». Приказаніе это въ точности было исполнено. Не довольствуясь истребленіемъ населенія, войска Тимура жгли св. церкви и находившихся въ нихъ духовныхъ лицъ. Въ это же время опустошенъ и раззоренъ ими Мцхетскій соборъ, причемъ раззореніе, произведенное Тамерланомъ, лѣтописъ

²³⁾ Кавказская война...., стр. 238.

²⁴⁾ Двѣнадцативѣковая борьба...., стр. 32.

сравниваетъ съ опустошеніемъ Иерусалима Навуходоносоромъ. «Послѣдній, взявъ драгоценности и св. сосуды, не посмѣлъ коснуться самаго храма. Тамерланъ же, не ограничившись тѣмъ, что расхитилъ драгоценныя украшенія, св. сосуды и сокровища собора, дерзнулъ наложить святотатственную руку свою и на самый храмъ, подвергъ его раззоренію и разграбленію, опустошилъ пристройки собора, разрушилъ ограду вокругъ него, палаты царскія и проч.»²⁵⁾ Пока татары въ точности исполняли приказаніе своего повелителя, Тимуръ съ огнемъ и мечемъ прошелъ весь Дагестанъ и поселилъ у подножія Кавказа магометанскія племена, чтобы ихъ вліяніемъ удержать въ зависимости обширный покоренный край. Съ тѣхъ поръ стало угасать тамъ христіанство, насажденное съ такимъ успѣхомъ Давидомъ и Тамарою.

Чтобы освободиться изъ плѣна, Багратъ притворно принялъ магометанство и даже предложилъ Тамерлану обратитьъ къ исламу всѣхъ своихъ подданныхъ, для чего и просилъ у него войска. Обрадованный Тамерланъ осыпалъ царя дарами и отпустилъ съ нимъ двѣнадцатитысячный отрядъ. Но по тайному уговору Баграта съ сыномъ этотъ отрядъ поголовно былъ истребленъ на берегахъ Берджджи. Тогда раздраженный Тимуръ самъ двинулся на Грузію. Въ окрестностяхъ Тифлиса произошла кровавая сѣча, въ которой погибла пятая часть татарскаго войска, но грузины все же не могли продолжать открытой борьбы и скрылись въ горы. Багратъ вскорѣ умеръ, но сынъ и наслѣдникъ его, Георгій VII (1395—1414 г.), энергически продолжалъ борьбу. Еще нѣсколько разъ Тамерланъ вторгался въ Грузію, но ни разу не встрѣтилъ покорности—грузины уходили въ горы, вели партизанскую войну и при каждомъ отступленіи непріятеля отнимали у него обозы и награбленныя сокровища. Наконецъ, при посредствѣ одного изъ любимцевъ Тимура, Георгію удалось примириться съ завоевателемъ цѣною незначительной дани. Раззореніе страны послѣ нашествія Тамерлана, который въ теченіе двадцати лѣтъ не давалъ ей покоя, было громадно. Чѣмъ былъ Тимуръ для покоренныхъ имъ жителей, могутъ служить оставшіеся на Кавказѣ слѣды его нашествій и преданія. Не доѣзжая двухъ верстъ до Закаталь съ Мугамлынской переправы, не далеко отъ дороги, съ лѣвой стороны, набросана огромная конусообразная куча камней, печально освѣщаемая нѣсколькими тусовыми деревьями. Это—слѣдъ страшнаго истребленія всего, что не успѣло спастись тогда въ горы. Тимуръ-Ленгъ имѣлъ обычай, послѣ поголовнаго избіенія жителей какой нибудь страны, собирать въ одно мѣсто головы убитыхъ,—ихъ количествомъ онъ измѣрялъ свое величіе и царское могущество. И въ тотъ разъ головы убитыхъ были собраны и сложены пирамидально на то именно мѣсто, гдѣ находится теперь куча камней, и мѣсто

²⁵⁾ Мцхетъ и его соборъ Свѣти-Цховели, стр. 197.

это понинѣ называется Башь-кала, т. е. башня изъ человѣческихъ головъ. Уничтожая взрослыхъ, Тимуръ не оказывалъ никакой пощады и молодой жизни. Однажды онъ приказалъ перевязать и уложить малыхъ дѣтей такъ, какъ татары обыкновенно укладываютъ хлѣбъ для молотбы. Орудіемъ для этой работы служить особаго устройства доска, нижняя сторона которой усажена мелкими, острыми камнями, везя эту доску по снопамъ и выбиваютъ зерна изъ колосевъ. Этимъ—то варварскимъ способомъ были истреблены дѣти. Въ другой разъ, какъ рассказываетъ одинъ изъ очевидцевъ той эпохи, жители какого-то города, навлекшіе на себя гнѣвъ Тамерлана, выслали для умилоствленія его своихъ дѣтей. При видѣ малютокъ, шедшихъ съ пѣнями изъ корана, въ Тимуръ воогорѣлся духъ истребленія! Онъ помчался на нихъ на конѣ и приказалъ скакать за собой своей конницѣ. Несчастные родители, стоявшіе на городскихъ стѣнахъ, были свидѣтелями ужасной гибели своихъ дѣтей, растоптанныхъ татарскими конями. ²⁷⁾ (Продолженіе будетъ).

Свящ. Н. Покровскій.

²⁷⁾ Кавказская война... стр. 238—240.

Содержаніе № 17. *Официальная часть*. Высочайшія награды.—Высочайшій манифестъ.—Распоряженія Грузинскаго Епархіальнаго Начальства.—Второй Отчетъ Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи.—Содержаніе офиц. части №№ 25 и 30 „Церк. Вѣдомостей“. *Неофициальная часть*: Голось пастыря.—Краткій очеркъ церковно-исторической жизни православной Грузіи со времени появленія въ ней христіанства и до нашихъ дней.

За Редактора *Ипполитъ Грековъ*.

Дозвол. печататъ. Испр. должн. цензора, *свящ. Н. Покровскій*.

Тифлисъ. 17-го сентября 1905 года.

Типографія Е. Хеладзе, Русскій базаръ, домъ армянской духов. семинаріи.